

корпуса текстов, крайне своеобразных, нередко лежащих на границе жанра и не имеющих строгого определения (сказания? былички? мемораты? легенды?), автором выбран термин *сказания* (лит. *sakmės*), и, пожалуй, смысл его в том, что он отсылает к говоримому, сказанному как к чему-то актуальному для мира человека, то есть для микрокосмоса. Мы не случайно подчеркиваем этот смысл: он подводит к тому стержню, который положен в основу классификации.

Этим стержнем является назначение, функция описываемых текстов в мифо-ритуальном сценарии жизни человека: обучение правилам поведения = правильному поведению, которое обеспечит благополучие, «мирное житие» и, главное, которое будет охранять прочность структуры микро- и макрокосмоса. Этот простой механизм *если — то* (ср. 3.2.0.7, с. 107 сл.: если герой не чтит высших сил / не выполняет приказов старших, то он несет наказание — «Змея не слушалась Бога и не ткала холстов. Поэтому она не может ужалить через льняную ткань»; «Соловей сказал, что не знает Бога. Бог послал ястреба, который вырвал у соловья все красивые перья»; и т. д.), оказывается достаточным и для организации жизни каждого конкретного человека, и для организации его мира. *Правильность* имеет в виду не только практическую сторону жизни, но конструирует и нравственные сферы. Таким образом, простота механизма *если — то* оборачивается высшей степенью сложности.

Положенный автором в основу классификационный принцип, несомненно, является новаторским. Собственно говоря, чисто классификационным его назвать нельзя: в той же степени он является интерпретационным, раскрывающим не только функции, но глубинные смыслы текстов. Разумеется, распределение всего громадного корпуса текстов только по трем разделам (*правильное поведение — неправильное поведение — нейтральное поведение*) было бы упрощенным и нивелирующим их разнообразие. Автору, обладающему немалым «классификационным» опытом² в сочетании с живым — бережным и заинтересованным — отношением к материалу, удалось разработать структурно-семантическую классификацию, в которой учтена целая система дифференциальных признаков, выделенных на основе анализа текстов сказаний (элементарные сюжеты и их структурно-иерархические особенности, характеристики персонажей — их действия, цели и т. д.). Тем самым книга аккумулирует как бы

² См.: Bronislava Kerbelytė. Lietuvių liaudies padavimų katalogas. Каталог литовских народных преданий. The Catalogue of Lithuanian Local Legends. Vilnius, 1973. (Литовские народные предания классифицированы здесь по природным или историческим памятникам, с которыми они связаны.)

несколько разных типов каталогов, с целью дать исчерпывающее описание и каждого текста в отдельности, и разных групп текстов. Об эффективности предложенной классификации говорит и ее «прогностичность» — возможность прогнозировать закономерные версии структурно-семантических типов сказаний, с одной стороны, и возможность «проследить развитие народных воззрений, обычаев, а также самих сказаний» (с. 11) — с другой (коль скоро внимание исследователя сосредоточено на поведении человека в первую очередь).

Ценность самого материала, не только для описываемой литовской традиции, но и для сравнительных и сопоставительных исследований, увеличивает ценность книги: в научный обиход введен новый пласт текстов, до этого доступных лишь балтистам.

Книга обращена не только к русскому, но и к англоязычному читателю. Она компактна — результат долгой и вдумчивой исследовательской работы. Ей предстоит, несомненно, долгая жизнь в науке. Всесторонняя ее оценка немыслима в этой краткой заметке, поэтому мы заканчиваем ее лишь несколькими пожеланиями, опуская упоминания о досадных опечатках или неточностях перевода. Прежде всего, в следующее издание книги было бы целесообразно включить подробное оглавление-классификатор (или схему-указатель) — к сожалению, имеющееся оглавление слишком сжато, что затрудняет пользование книгой. Доступ к богатому материалу, собранному и тщательно препарированному автором, усложняет отсутствие индексов — они помогли бы и читателю, даже овладевшему методикой анализа текстов и интерпретации элементарных сюжетов.

Нам приятно напомнить, что едва ли не первая работа Брониславы Кербелите (в соавторстве с математиком А. Валужисом) по структурному анализу фольклорного (сказочного) текста была опубликована на страницах сборника «Балто-славянские этноязыковые контакты» (1980), непосредственного предшественника «Балто-славянских исследований». Там же была опубликована и первая работа о структуре литовских этиологических сказаний Н. Велюса.

Т. М. Судник, Т. В. Цивьян

Балтистика в Санкт-Петербурге

Балтийские исследования в Санкт-Петербурге имеют давние традиции. В XIX в. столица Российской империи оказалась одним из центров национального возрождения прибалтийских народов, здесь по-

лучили образование и работали многие представители литовской и латышской (также эстонской) интеллигенции, деятели культуры, науки и искусства, которые подвергались гонениям со стороны царского правительства у себя на родине. Здесь действовали национальные общества, выходила ведущая газета латышского возрождения «Pēterburgas avīzes», в период запрета печати в Литве и Латгалии петербургские ученые заботились об издании книг в Петербурге (латгальский язык преподавался в Духовной семинарии). С Санкт-Петербургом были связаны известные литовские и латышские балтисты (А. Баранаскас, К. Яунюс, К. Буга, Э. Вольтерис, Я. Эндзелин, П. Шмитс, А. Абе-ле), балтийские языки были областью интересов многих университетских профессоров (в первую очередь Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Б. А. Ларина), здесь преподавались курсы литовского языка и балтийской филологии.

После обретения независимости прибалтийскими республиками в начале 90-х годов особенно актуальной стала задача подготовки в России собственных молодых специалистов по балтистике. Ряд последовательных шагов в этом направлении был предпринят Санкт-Петербургским государственным университетом. В 1995 г. на факультете международных отношений было начато преподавание литовского языка в рамках специализации студентов по Балтийскому региону, рассчитанной на 4 года. В том же году кафедра общего языкознания филологического факультета была включена в координируемый Вильнюсским университетом проект «Литванистика в университетах мира» и стала получать из Литвы журналы «Gimtoji kalba» и «Metai», авторефераты защищаемых диссертаций и другие издания по литванистике. Вскоре был возобновлен спецкурс В. П. Казанскене по литовскому языку, периодически читавшийся на филологическом факультете и ранее.

В 1999 году на кафедре общего языкознания была открыта первая и пока единственная в России специализация по балтистике, работой которой руководит проф. Л. Г. Герценберг. Учебный план специализации ориентируется на студентов старших курсов и рассчитан на 3 года. Кроме практических занятий по литовскому и латышскому языкам он включает теоретические курсы по введению в балтийскую филологию, по сравнительно-исторической и теоретической сопоставительной грамматике балтийских языков, балтийской диалектологии, древнепрусскому языку, а также комментированное чтение старых литовских и латышских текстов. Студентам предлагается несколько предметов по выбору: элементы финноугроведения, польский язык, балто-славянские языковые отношения, акцентология литовского языка, балтийский глагол в типологическом освещении. Учебный план предполагает для студентов месячную летнюю практику в

Литве или Латвии. Преподавание основных дисциплин специализации обеспечивают сотрудники кафедры общего языкознания: проф. Л. Г. Герценберг (введение в балтийскую филологию, сравнительно-историческая грамматика), доц. В. П. Казанскене (литовский язык, история языка, древнепрусский язык), ст. преп. А. В. Андронов (латышский язык, литовский язык, теоретическая грамматика). Активное содействие оказывают и другие петербургские балтисты: проф. Ю. В. Откупщиков, проф. Э. Ш. Генюшене, к. ф. н. Ю. Лаучюте. Первый год обучения по специализации успешно закончили 14 студентов, была защищена также первая в СПбГУ курсовая работа по балтистике.

Основные надежды на продолжение и развитие балтийских исследований в Петербурге, безусловно, связаны с деятельностью новой специализации, которая в будущем должна вырасти в самостоятельное отделение на филологическом факультете Университета, воплотив таким образом в жизнь идею А. Гильфердинга, высказанную полтора столетия назад. Кроме собственно исследования балтийских языков в различных аспектах и углубленного изучения отдельных вопросов балтийской филологии, приоритетными представляются два направления научной деятельности. Во-первых, остро ощущается нехватка учебников и словарей по литовскому и особенно латышскому языкам. Учебной литературы, предназначенной именно для иностранцев-филологов, практически нет. Таким образом, перед преподавателями стоит задача создания руководств практически по всем изучаемым дисциплинам. К этой работе активно привлекаются и лучшие студенты специализации. В настоящее время ведется подготовка пособия по курсу введения в балтийскую филологию (Л. Г. Герценберг), составляется учебный латышско-русский словарь для лингвистов, содержащий около 10 тысяч слов с необходимой грамматической и фонетической информацией (А. В. Андронов).

С другой стороны, важным направлением представляется изучение наследия петербургских классиков балтистики, которое до сих пор не оценено в полном объеме: в библиотеках и архивах Санкт-Петербурга хранятся интересные материалы и неопубликованные рукописи.

В Санкт-Петербургском филиале архива РАН в фонде Ф. Ф. Фортунатова хранится рукопись его работы «Об ударении и долготе в балтийских языках», состоящая из трех частей (ф. 90, оп. 1, № 21, 22, 23). Лишь первая часть этого исследования — об ударении в прусском языке — вышла в свет при жизни ученого (Русский филологический вестник, 1895, XXXIII (1–2), с. 252–297). 10 лет назад О. В. Поляковым была опубликована вторая часть работы — о долготе в латышском языке (Lietuvių kalbotyros klausimai, 1990, XXX, p. 181–

213). Публикация последнего раздела, посвященного литовской акцентологии, сделала бы исследование доступным лингвистам в полном объеме. В Архиве можно найти и другие материалы, связанные с балтистикой (например, проф. З. Зинкявичюс упоминает, что там могут быть неизвестные рукописи и письма К. Буги). К сожалению, из-за отсутствия средств Архив уже несколько лет закрыт для посетителей.

В рукописном отделе Библиотеки Российской Академии наук хранится уникальный памятник латышской грамматики — рукопись одной из первых грамматик латышского языка (очень фрагментарной), так называемая грамматика Мартина Бюхнера (шифр О №136). Эта грамматика была перепечатана Л. Арбузовым в 1925 году (*Philologu biedrības raksti*, 1925, V, 106.–125. lpp.), а две дополнительные страницы опубликованы К. Дравиньшем в 1960 (*In honorem Endzelīni*. Chicago, 1960, p. 107–113). Т. Г. Феннелл посвятил этому памятнику обширное исследование (*T. G. Fennell. Seventeenth Century Latvian Grammatical Fragments*. Melbourne, 1982), но до сих пор нет фототипического издания рукописи, которое было бы весьма актуально, так как транслитерация Л. Арбузова, к сожалению, оказывается не везде достоверной.

Среди других интересных для балтистов материалов необходимо упомянуть диссертацию С. И. Груздевой «Синтаксические функции причастий в современном литовском литературном языке» (1949), написанную под руководством Б. А. Ларина на материале исчерпывающего анализа употребления причастий в произведениях П. Цвирки и Т. Венцловы. Известный латышский фонетист А. Абеле в начале XX в. работала в экспериментально-фонетической лаборатории Санкт-Петербургского университета, и вполне возможно, что в архивах Университета можно обнаружить какие-либо материалы ее исследований. Обширнейшим собранием литературы на литовском и латышском языках располагает Российская национальная библиотека. Здесь хранятся, в частности, уникальные памятники латгальского письменного языка. Не полностью систематизирован фонд латышских изданий XIX — начала XX в. В Российском этнографическом музее ведется работа по систематизации богатейшего архива Э. Вольтериса.

Собственная балтистическая библиотека постепенно формируется на кафедре общего языкознания СПбГУ благодаря добровольным пожертвованиям наших коллег в Университете и друзей в городе. В первую очередь с благодарностью следует отметить ценнейшие книги из библиотеки С. И. Груздевой, переданные кафедре ее дочерью, а также словари и художественную литературу, подаренные большим другом Литвы и литовского языка И. О. Сиговым. Много важнейших изданий по балтистике из библиотеки Б. А. Ларина хранится в Межка-

федральном словарном кабинете, классические работы по балтийским языкам XIX — начала XX в. имеются в библиотеке кафедры славянской филологии (фонд В. И. Ламанского).

Возрождение и дальнейшее развитие балтийских исследований в Санкт-Петербурге невозможно без тесных контактов с другими научными центрами, поэтому в 1998 году в рамках традиционной весенней межвузовской конференции была впервые организована секция баллистики — Круглый стол «Балтийская филология». Эта инициатива нашла живой отклик коллег как в Литве и Латвии, так и в других европейских университетах. С тех пор встречи балтистов в Петербурге стали традиционными и ежегодно собирают от 20 до 40 участников. Время проведения конференций — первые дни марта. Каждый год в качестве основной темы выбирается определенный аспект исследования балтийских языков. Тематика распланирована на 10 лет: после первой встречи общего характера, конференция 1999 г. была посвящена фонетике, 2000 г. — морфологии и словообразованию, 2001 г. — синтаксису, 2002 г. — лексикологии и лексикографии, на очереди: этимология и ономастика (2003), историческая грамматика, история литературного языка (2004), диалектология (2005), стилистика и культура речи (2006), психолингвистика, социоллингвистика, компьютерная лингвистика (2007). В 2008 г. предполагается провести юбилейную конференцию, которая позволила бы оценить проделанную работу и определить дальнейшие направления развития баллистики в Санкт-Петербурге и в России.

А. В. Андронов (Санкт-Петербург)

Семинар «Леттонистика в университетах мира»

Из двух живых балтийских языков изучение латышского языка на сегодняшний день в мире развито ощутимо меньше, чем изучение литовского. Это связано с безусловной важностью литовского языка для индоевропейского языкознания, осознанной уже в XIX в. Однако латышский язык также заслуживает пристального внимания лингвистов. Кроме исторического изучения (которое уже не является единственным приоритетным аспектом в современной лингвистике) он представляет большой интерес для теоретического языкознания, типологических и ареальных исследований. Много актуальных проблем в изучении и описании латышского языка как такового (единственная Академическая грамматика вышла 40 лет назад!), чрезвычайно перспективен и мало разработан сопоставительный анализ латышского и литовского языков.